

А сплachtetца на Москве Царевна,
 Борисова дочь Годунова:
 Ино Боже, Спас милосердой!
 за что наше царство загибло,
 за батюшково ли согрешенье,
 за матушкино ли немоленье?
 А светы вы, наши высокие хоромы!
 кому вами будет владети
 после нашего царьского житья?
 А светы, браные убрусы!
 береза ли вами крутити?
 А светы, золоты ширинки!
 лесы ли вами дарити?
 А светы, яхонты-серешки!
 на сучье ли вас задевати, —
 после царьского нашего житья,
 после батюшкова преставленья
 а света Бориса Годунова?
 А что едет к Москве Рострига,
 да хочет теремы ломати,
 меня хочет, Царевну, поимати,
 а на Устюжну на Железную отослати,
 меня хочет, Царевну, постритчи,
 а в решетчатой сад засадити.
 Ино ох-те мне горевати:
 как мне в темну келью ступити,
 у игуменьи благословитца?²⁹

В другой песне о Ксении, которая начинается словами: «Сплachtetца мала птичка, белая пелепелка. . .», она сравнивается с птичкой, чье гнездышко хотят «разорити», а «малыи дети побити».³⁰ Здесь выражается опасение, что царевне

чернеческого чину не здержати:
 отворити будет темна келья,
 на добрых молотцов посмотри.³¹

Характерно, что в обеих песнях, появившихся при жизни Ксении, о поругании ее Самозванцем говорится лишь намеком, что он хочет ее «поимати». «Народная фантазия, — как правильно замечает Ф. Буслев, — с глубоким эстетическим тактом пощадила свою прекрасную героиню, сохранив ее образ чистым, незапятнанным от прикосновения Расстриги».³²

Примечательно, что эту душевную чистоту Ксении подчеркивает и враждебно настроенный к Борису Годунову дьяк Иван Тимофеев. Сожалея, что ее, «преже в твердыхнах высоты царствия, при рожихих ю хранине сущей, едва солнце скважняю виде ю когда», Лжедмитрий «без тоя

²⁹ П. К. Симо́ни. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907, стр. 10—12. См. также: В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915 (далее: В. Ф. Миллер), стр. 627—629.

³⁰ В противоположность этому поэтическому образу беззащитной, как перепелка, Ксении, в народных песнях жена Самозванца «люторка воровка Маринка» ассоциируется с жадной вороватой сорокой. См.: В. Ф. Миллер, стр. 598.

³¹ В. Ф. Миллер, стр. 5—7. Существует мнение, что сборник, в который вошли эти песни, «был составлен в Москве в служилой и торговой среде», причем песня, в которой Ксения сравнивается с перепелкой, вышла «из среды сочувствующих Годунову», так как в ней нет «осуждения ее родителей», тогда как в другой «ставится вопрос, за чью вину грозят такие беды девушке: „за батюшково ли согрешение, за матушкино ли немоленье?“». Эта песня могла «принадлежать сторонникам Шуйских или Романовых» (см.: История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 631—632).

³² Ф. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. т. 1. СПб., 1861, стр. 529. Здесь также изданы обе песни о Ксении.